

В ПОИСКАХ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: характерные черты религиозной жизни Римской империи накануне реформы императора Аврелиана

Ю.В. Куликова

Аннотация. В III в. н. э. под влиянием внешних и внутренних факторов происходят изменения в Римской империи, обозначившие наступление следующего этапа в развитии государственности. Политическая нестабильность и стремление императоров к единоличной власти, с одной стороны, активизация вторжений варваров, разорение земель, эпидемии, демографический кризис, с другой, лишь усугубляли духовные поиски. Целью данной работы является попытка выявить сходство и различие в религиозном мировоззрении населения восточных и западных провинций и на этом фоне определить проявления духовного кризиса и причины необходимости проведения религиозной реформы императором Аврелианом. Актуальность изучения данной темы заключается в выявлении процессов, которые происходили в религиозном мировоззрении населения Римской империи и привели к необходимости поиска идеологической основы единоличной власти императора, и которые в дальнейшем способствовали установлению христианства как государственной религии. Именно поэтому исследование имеет научную ценность и практическую значимость для понимания сущности проводимых римскими императорами мероприятий, их идеологической политики, поддержки тех или иных культов, что позволяет выявить особенности религиозной жизни в отношении отдельных слоев населения Римской империи.

Ключевые слова: Римская империя, синкретизм, эллинизм, провинции, восточные культы, традиционные римские боги, культ Митры, солярный культ, императорский культ, автохтонные боги, кризис.

Для цитирования: Куликова Ю.В. В поисках религиозной идентичности: характерные черты религиозной жизни Римской империи накануне реформы императора Аврелиана // Преподаватель XXI век. 2024. № 3. Часть 2. С. 249–265. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-3-249-265

ON THE WAY TO RELIGIOUS IDENTITY: Characteristic Features of the Religious Life of the Roman Empire on the Eve of Emperor Aurelian's Reform

Yu. V. Kulikova

Abstract. *Due to the influence of external and internal factors, changes in the Roman Empire took place in the 3rd century A.D., marking the onset of the next stage in the development of statehood. Political instability and the emperors' desire for sole power, on the one hand, and the intensification of barbarian invasions, land devastation, epidemics, and demographic crisis, on the other hand, only aggravated the spiritual quest. The article aims to identify the similarities and differences in the religious outlook of the population of the eastern and western provinces, and against this background to determine the manifestations of spiritual crisis and the reasons behind the need for religious reform by Emperor Aurelian. The relevance of the study of this topic is to identify the processes that occurred in the religious outlook of the population of the Roman Empire and led to the need to find an ideological basis for the sole power of the emperor, and which further contributed to the establishment of Christianity as a state religion. That is why the study has scientific value and practical significance for understanding the essence of the activities carried out by the Roman emperors, their ideological policy, support of certain cults, which makes it possible to identify the peculiarities of religious life in relation to certain segments of the population of the Roman Empire.*

Keywords: *Roman Empire, syncretism, Hellenism, provinces, oriental cults, traditional Roman gods, cult of Mithras, solar cult, imperial cult, autochthonous gods, crisis.*

Cite as: Kulikova Yu.V. On the Way to Religious Identity: Characteristic Features of the Religious Life of the Roman Empire on the Eve of Emperor Aurelian's Reform. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2024, No. 3, part 2, pp. 249–265. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-3-249-265

Третий век в истории Римской империи является периодом наивысшего политического влияния армии, и попытки найти идеологическую опору. Однако для монотеизма еще видимо не наступило время понимания. Пробразом стало оформление солнечных культов, объявлявших всех богов — и своих, и чужих — олицетворяющих одного бога — солнце. Сложная внутри и внешнеполитическая обстановка приводила к поискам путей выхода не только в военном плане, но и идеологическом, способным сплотить распадавшееся государство в условиях установления новой династии.

К рассматриваемому периоду римская религия испытала на себе влияние греческого религиозного мировоззрения, синкретического воздействия Эллиназации и философии и мистицизма восточных культов. Однако процессы видоизменения в религиозной сфере продолжались, в том числе и под влиянием самого общества, которое находилось в поиске духовной опоры в условиях все обострявшейся политической борьбы армии и сената, стремления императоров к единоличной власти, нарастания германской угрозы, эпидемии эпохи Антонинов, демографического провала. Изменение привычного мира вокруг и приводило либо к возврату к старым культам, либо появлению новых синкретичных культов, либо к поискам более глубокого понимания и обоснования происходивших вокруг процессов. В связи с этим

восточные культы стали заполнять духовную лакуну, возникшую в этот период, и постепенно адаптироваться в римском пантеоне [1, с. 21]; в западных провинциях появлялось все больше приверженцев восточных культов, таких как Исида, Сераписа, Митры. Происходило слияние римских и восточных культов, смешение атрибутов и функций богов, которые подчас переносились на какого-либо одного бога, и все чаще этот бог связывался с солнцем, в то время как образ и личность императора все больше сближались с богом.

Так Гелиос, не особо популярный в греческом мире, и Аполлон, имевший схожие функции, несмотря на существование первого божества, передали свои функции другим богам, в частности, Сол и Митре. В Риме распространяется уже эллинизированный культ, прошедший трансформацию в Малой Азии и имевший лишь отдаленное отношение к иранскому Митре [2]. А.В. Амфитеатров справедливо утверждал, что римским императорам льстила мысль создать полное единовластие на земле и видеть его отражение на небе, как поддержку своего могущества [3, с. 72]. Подобно эллинистическим монархам императоры Рима начинают считать себя представителями и даже родственниками солнца. отождествляя себя с Солнцем, императоры III в. находили обоснование принимаемым ими титулам, возвышавших их от “Divus” до “Deus”. Взяв себе титул Invictus, который, по мнению Диона Хризостома (Chrys., II, 5), может носить только божество, император намеренно подчеркивает свое неоспоримое положение в Империи. Все чаще властители Рима полагаются на харизму (явление, наиболее развитое в восточных культах), которая даруется им свыше Солнцем, а значит, именно от них исходит постоянство, благополучие и изобилие, распространяемое на все государство. Такое положение вещей открывало все больший простор для монотеистических тенденций, в которых, по мнению П.Ф. Преображенского, форма Церкви как целостной структуры имела особое значение [4, с. 17].

Тем не менее, вера в традиционных римских богов по-прежнему оставалась основой жизни западных провинций Римской империи. В армии и связанных с нею кругах процветал культ капитолийской триады, особенно Юпитера (RIC, Valerian. I, 37; Claud II, 53–54; Aurelian., 227, 260, 333, 394) — бога римской мощи и славы¹; кроме того, Юпитер был покровителем города Могонтиака. Популярность культа Юпитера среди военных обуславливалась не только желанием покровительства верховного бога Рима, но также тем, что верховным жрецом культа являлся сам император, а значит, участие в нем являлось актом проявления лояльности к правящей династии и вечному Риму. Поэтому этот культ также был популярен среди гражданского населения, для которых Юпитер был покровителем и олицетворением власти правящих императоров, божественным отцом государства, богом, дарующим дождь, а значит, связанный с плодородием [5, с. 136]. Императора, по мнению исследователей, в формирующейся пропаганде следует рассматривать как орудие божественной воли Юпитера, а император Аврелиан позиционировался как наместника Юпитера [6, р. 186]. Важно отметить, что почитание римских культов поддерживалось в некоторых регионах ветеранами, получившими землю и порой занимавшими должности в местных органах управления, особенно эта тенденция прослеживается

¹ Исследователи выделяют почитаемые армией культы в отдельную категорию *dii militares*.

в придунайских провинциях. Почитание Нептуна связывалось с римским флотом, военными походами и мероприятиями на море и судоходных реках (RIC, Claud. II, 214; Postum., 214). Это божество также считалось покровителем Legio XXX Ulpia Victrix, размещавшегося в Могонтиаке на Рейне, одновременно являвшегося фортом римского флота classis Germanica [7, с. 377]. Для прославления флота использовалось также изображения кораблей, например, на монетах с легендой SALVS PROVINTIARVM и божеством Рейна (RIC, Postum., 87). Нептун, исходя из его собственной атрибутики, был покровителем лошадей и конных состязаний и именно в таком качестве почитался гражданским населением [5, с. 137–138], императоры использовали легенды с его именем для пропаганды собственной политики. Покровителями конницы являлись божественные братья Кастор и Поллукс, количество посвящений которым значительно увеличивается в связи с реформой императора Галлиена, в результате которой были сформированы единые кавалерийские силы.

Эпиграфика предоставляет сведения о почитании других римских богов: Марса², Меркурия, Фортуны³, Аполлона⁴, (Аёр. 1950. № 27, 140, 231; 1952. № 196; 1954. № 145; 1950. № 2331951. № 136; 1953. № 42; 1954. № 91, 154; 1955. № 110, 143), заметно увеличение посвящений богине Виктории, упоминание которой встречается с различными эпитетами, а ее культ занимал значимое место в пропаганде побед римских императоров и армии, с военными походами и победами ассоциировалась и богиня Диана (RIC, Claud. II, 205). Почитаются также синкретические культы, например, в посвящении, сделанном воином Legio IV Flavia Maximiana, упоминается культ Дианы-Гекаты «богине трех дорог», покровительствующей собирающимся отправиться в путь (поход) или находящимся в пути (Аёр. 1952. № 0186), неудивительно, что он стал популярным в период активизации военных действий на всех границах Римской империи.

В III в. особое место в религиозной жизни населения провинций и армии занимает культ Геркулеса, который выступал в разных ипостасях: с одной стороны, как защитник населения, покровитель войска, с другой — труженика-земледельца (Аёр. 1954. № 101–103). Возвышение культа было связано с мифологией, в которой Геркулес является сыном Юпитера, поэтому этот герой и бог стал символизировать могущество правящего императора, покровителем побед и триумфов императора. Известно, что первый галльский император Постум считал Геркулеса своим заступником и спасителем, что отражено в выпуске серии ауреусов с изображением двенадцати подвигов Геракла, а всего с 19-ю легендами в честь этого божества (RIC, Postum., 23, 148, 272, 305, 340–342, 344–346, 348; Elmer, 466–477; Bastien, 6–22, 27, 45–46, 136–138, 305, 326, 327, 484–501, 508–513). Исходя из изображения на аверсе двойного профиля Постума и Геркулеса на одной из монет, можно предположить, что Постум считал это божество своим соправителем и, возможно, позиционировал родство с ним (RIC, Postum., 260, 267). Интересным фактом является сходство в иконографии и атрибутике Геркулеса на монетах Галлиена и Постума [8, р. 343], это позволяет предположить идеологическое соперничество двух импе-

² Марс был наиболее схож с кельтским божеством, поэтому в Галлии и Британии почитался, ассоциируясь с местным автохтонным божеством Тевтатесом.

³ Фортуна особо почиталась в армии в придунайских регионах.

⁴ Аполлон почитался не во всех провинциях, зачастую это мог быть Гелиос или местное солярное божество. Три надписи, посвященные Аполлону, были найдены на территории Франции. См. Аёр. 1953. № 269.

раторов. Клавдий II Готский в одной из надписей именуется *Herculanus* (ILS, 2775; или *Dionisius* — CIL XIII 327). Поэтому культ Геркулеса прослеживается от Италии до дунайских и прирейнских провинций [9, с. 218].

В провинциях среди гражданского населения отмечается увеличение числа посвящений культам богинь-матерей (CIL VIII 939), причем автохтонным. Вероятно, это связано с эпидемиями и другими природными катастрофами, отмеченными в этот период, но также стоит учитывать, что почитание локальных культов сохранялось в наиболее отдаленных сельских районах западных и восточных провинций. В Британии отмечено почитание местных культов, в частности, найдены посвящения *Mater Matuta* (CIL VII 936; Аёр. 1949. № 93 (богиня-мать), 94, 95, 101; 1950. № 22–24, 28, 213, 219–220, 222–225; 1952. № 84 и 86 (богиня-мать), 130; 1953. № 99). Достаточно популярны были посвящения, сделанные женщинами, которые использовали любовную магию и обращались с просьбами к Юноне, Деметре, Немезиде, богам подземного мира [10, с. 154], интересно, что в храме Деметры на Книде подобные действия совершались открыто. Наряду с ними отмечается почитание богини-матери Кибелы, ее культ был широко распространен в Британии и Галлии вместе с культом Исиды. Известно, что к культу Исиды была причастна и императорская семья, так Валериан младший, мог быть жрецом этой богини и участвовать в священнодействиях и празднествах. Для других императоров было важно почитать своих божественных спутников, покровителей, а также тех богов и богинь, которые были наиболее важны для пропаганды его политики. Император Клавдий II Готский почтил легендами на своих монетах бога Вулкана, что является весьма необычным (RIC, Claud. II, 215), а император Аврелиан — Асклепия с эпитетом *Conservator* (RIC, Aurelian., 258).

Для религиозного мировоззрения населения провинций Римской империи очень важно было найти согласие с местными богами, гениями-покровителями мест, духами предков, что подтверждается многочисленными надписями и посвящениями (Аёр. 1953. № 99 (посвящение малоизвестному германскому божеству *Usneihae*), 260–261; 1954. № 92, 94, 95, 96, 107 (Сильван с молотом), 130; 1955, № 30, 234). В различных подразделениях римской армии почитались культы, в зависимости от места базирования и этнического (регионального) происхождения солдат, подобные культы могли порой стать культом целого подразделения, например богиня-защитница Тутела [11, с. 245]. Вообще армия в этот период оказывает сильное влияние на религиозные мировоззрения региона, где она дислоцируется [5, с. 89–90].

В некоторых регионах заметно возвращение к старым доримским верованиям. Так, в Галлии и Британии в этот период отмечается почитание традиционных кельтских культов, хотя многие божества уже давно ассоциируются с римскими, но подчас под привычным именем и образом, скажем, Меркурия, скрывалось типично кельтское божество. Сохранялось и поклонение кельтской богине Эпоне, которая в Британии почиталась вместе с богиней Кибелой, так что в итоге черты этих богинь смешались. Именно усиление кельтского ядра в образе божеств является характерной чертой периода. Римские боги приобретают черты старых кельтских божеств, становясь покровителями определенного места, города или ремесла. Так, Марс почитался как галльское божество Кумулос [12, с. 335–336], а Аполлон стал гением-покровителем города Августодуна (совр. Отён, Франция) (Pan. Lat., 298–310), наряду с Дианой, ассоциирующейся с Кибелой (AS, IV, Aug. 22. P. 496–497). Существовали два кельтских храма,

в которых почитались, видимо, римско-кельтские Аполлон и Юпитер (Pan. Lat., 298, 9, 2-3). Аполлон признается уже как кельтское божество, называясь Apollo Grannus [13, p. 45]. Юпитер получает черты египетского божества, а также второе имя — Юпитер Амон [14; 15]⁵, либо, например, фракийские эпитеты. В синкретичных связях Юпитера с местными и восточными божествами проявился присущий этому периоду процесс «ренационализации» традиционной римской религии, например, во Фракии Юпитер даже был связан с Дунайским всадником [16, с. 190–191]. Встречаются надписи и посвящения Bonus Deus и Bona Dea (Доброму (всеблагому) богу и Доброй богине), т. е. неким безликим безымянным высшим сущностям, которые оказываются наиболее привлекательными в условиях падения роли традиционной римской религии, хотя и поддерживаемой политикой римских императоров. Новой тенденцией этого периода стало то, что «традиционные» кельтские боги получают уже черты германских или восточных божеств. С другой стороны, важной чертой религиозной жизни римлян стал рост популярности восточных культов, имевших особенную природу, учения которых базировались на переплетавшихся философии и мистицизме, характерных для восточных религий.

Мобильность римской армии, а также мобильность населения в условиях активизации военных действий и торговля стали теми факторами, которые оказывали влияние на религиозную жизнь провинций. Некоторые из восточных культов получили распространение в Римской империи уже давно. Культ Исиды — еще с республиканской эпохи; культ Сераписа распространяется благодаря поддержке императорской семьи Септимия Севера и Юлии Домны; Серапис отмечен в монетных легендах Клавдия II Готского (RIC, Claud. II, 201). Культ Митры также распространялся еще с периода разгрома Гнеем Помпеем киликийских пиратов и стал очень популярным в армейской среде [17], поэтому его почитание можно встретить как в самой Италии, где обнаружены десятки митреумов, так и в других западных провинциях. В Испании культ Митры зафиксирован в западной части Тарраконской Испании и частично в Лузитании, т. е. там, где в III в. дислоцировались римские войска [18, с. 272; 19, с. 300–309]. Археологические данные указывают на то, что почитание Митры и Сильвана характерно и для солдат, и для простого населения, однако посвящений этим божествам на удивление мало, поэтому не представляется возможным сказать, насколько глубоко тот же культ Митры проник в среду гражданского населения. Думается, что сложные религиозно-философские системы слабо воспринимались низшими слоями населения и простыми солдатами, но культ «спасителя», «защитника», несущего свет Митры, ясно дававший ответ на вопрос о происхождении зла и избавлении от него, а также христианство находили во второй половине III века все больше сторонников [20, p. 306–307]. Почитался Митра и в придунайских провинциях, в том числе был широко распространен в Дакии [21, с. 83]. Культ предков-индигетов и почитание Sol за долгий период прошли значительное видоизменение. В условиях оформления единоличной власти императора ассоциация носителя высшей власти с солнцем являлось известным приемом восточной и эллинистической культур. Извращение этого культа при императоре Элагабале заставило императоров отказаться от восточных элементов, но не от самого культа. Галлиен ввел культ Sol в официальный римский пантеон, любопытно,

⁵ В Малой Азии был популярен культ Зевса-Амона.

что Sol появляется и на монетах галльского императора Постума (Elmer, 568). Клавдий II Готский продолжил эту политику и на его монетах также появляется легенда и изображение Sol Invictus [22; 23, p. 108–109].

Возвышение солярного культа связано было с формированием нового образа императора и стремлением к единоличной власти, поэтому на монетах с легендами AETERNITAS AVG., CLARITAS AVG., PACATOR ORBIS, ORIENS AVGVSTI встречается изображения Солнца, простирающим свои лучи-руки, а землю или на фоне Солнца помещается изображение самого императора. Еще в одной варианте иконографии Сол изображен в квадриге (двухколесная колесница, запряженная четверкой лошадей и являющейся символикой этого божества), подняв правую руку с кнутом (Bastien, 5). В рассматриваемый период происходило инкорпорирование образа императора в мифологические и культовые практики [24], и вообще его активная мифологизация.

В восточных провинциях Римской империи, а также в сельской местности, почитали автохтонных божеств или эллинистические культы, в то время как в городах отправляли культы богов римского пантеона⁶. Так, в Малой Азии были распространены культы, связанные с плодородием, умирающей и воскресающей природой, подобно культу Диониса, Антиноя (удивительно быстро распространившемуся с момента его введения императором Адрианом именно в Малой Азии); найдены различные посвящения богиням-матерям [25, с. 99–102]. Здесь также можно отметить синкретизм культов местных божеств и римского пантеона, в связи с чем римские боги получают соответствующие эпитеты. Подобные культы стали отмечаться на западных лимесах, попадая туда вместе с торговцами и переселенцами [26, с. 262–263].

Малая Азия являлась опорой власти и военных мероприятий императоров, этот регион был форпостом для наступлений (как это было в правление Аврелиана, когда Малая Азия стала базой для начала захвата Пальмирского царства), поэтому вполне оправданно столь структурированное внедрение императорского культа именно в этом регионе.

В Римском Египте культы египетских божеств, оказавшиеся под влиянием греко-римских верований и религиозной политики римских властей, получили иную, чем в древности, интерпретацию и демонстрировали удивительную стойкость и живучесть перед набирающим силы христианством. При этом поклонение богам Египта перемещалось из главных храмов в городах в сельские районы. В то же время в Египте императорский культ имел хорошую основу в виде культа Птолемеев, но развивался со своими отличиями. Его формирование было отдано в руки местной жреческой элите, которая пользовалась значительной независимостью от римской администрации в отправлении культа [27], поэтому, по мнению Д. Франкфуртера, императорских культ проявлялся почти исключительно в египетских формах (за исключением Александрии) и имел незначительное влияние на народную религию [28, p. 10]. Одновременно с этим культ императора в народной религии переплетался с традиционными египетскими представлениями о роли монарха как гаранта плодородия и победителя.

⁶ Это вообще является характерной особенностью, что на Западе, что на Востоке империи: в больших городах, где позиционируется римская власть, обязательно почитание императорского культа и жертвоприношения и празднества в честь императора и его семьи, также располагаются храмы и локализуются культы римского пантеона, при этом чем дальше от больших городов, тем меньше в этих божествах римского элемента, а в сельской местности в большей степени почитались именно местные культы.

С приходом к власти галльского императора Постума и образованием «Галльской империи» Галлиен предпринял ряд значительных шагов, направленных на уничтожение сепаратизма в западных провинциях. Ни один из так называемых «узурпаторов» не правил в этот период столько, сколько продержался у власти первый галльский император, и весь период его правления территории, присягнувшие ему, оставались под его контролем. Это, безусловно, делало необходимым разработку новых методов противостояния для возвращения провинций под юрисдикцию Рима.

Помимо организованных военных кампаний, началось и политическое противостояние, которое заключалось в идеологической борьбе. Так галльский император Постум достаточно внимательно следил за чеканкой монеты своего противника Галлиена, и, видимо, наоборот [8, р. 337–338]. Это объясняет повторяющиеся монетные типы и легенды, в частности атрибуты Геракла. Также это можно проследить в легендах на монетах, посвященных юбилею правления — Постум праздновал *quinquennales*, а Галлиен — *decennales*, и хотя происходило это примерно с разницей в два года, тип отчеканенных монет имеет определенно сходство. Особое внимание уделяется образу императора, сакрализации не только его власти, но и личности. Более того, монетные легенды, посвященные взаимоотношению императора и гражданского населения, военных подразделений, требовали особо пристального внимания. Поэтому, как уже указывалось выше, подразделения получали особые титулы, в том числе связанные с именем императора. На монетах позиционируется верность войск, их удачные походы, военные победы (RIC, Gallien., 11, 34, 39, 174 (medal.), 286, 348, 360, 362–363; Postum., 116, 123, 335). В отношении гражданского населения император изображается уделяющим пристальное внимание жалобщикам и просителям, законодателем, готовым решать внутренние проблемы (RIC, Postum., 276).

Указанный период в научной историографии характеризуется кризисом в религиозной сфере, что связано с утратой веры в старых римских богов. Этим может объясняться как возвращение к традиционным кельтским верованиям, так и появление восточных культов и усиление позиций христианства, в частности, в Малой Азии, особенно Киликии, Северной Африке, особенно в Проконсульской провинции, о чем свидетельствуют надписи и труды Отцов Церкви: Киприана, Тертуллиана. При всем различии религиозных систем их объединяла крайне пессимистическая оценка мира и человечества. Общая неудовлетворенность действительностью приводила к заключению, что зло неизбежно присуще материальному миру, греховному и испорченному. Ни улучшить, ни перестроить его нельзя, он обречен на гибель.

Значительное место в религиозной жизни римских провинций занимал императорский культ, насаждаемый все сильнее для укрепления единоличной власти императора. Императорская власть рассматривалась не как привилегия, а как долг и служение, возложенное на ее носителя по воле богов и сената. Император олицетворял собой империю, ведь недаром Гений императора (Гений Августа — RIC, Gallien., 197–198; Claud. II, 45–46) являлся Гением всего государства⁷, Виртус и Виктория императора обеспечивали победы, поэтому власть и личность императора были одинаково священны и представляли собой предмет религиозного почитания, недаром у статуи императора можно было попросить защиты. Однако культ подразумевал почитание не только правящего императора, но предыдущим императорам, как индивидуально, подобно

⁷ Монетные легенды, связанные с Гением, являются одними из важнейших типов.

культу Антонина Пия, так и коллективно, например, династии Антонинов. При этом в III в. для укрепления связи императора с армией использовались легенды, связанные с культом Геня армии (GENIVS EXERCITVS; GENIUS EXERCITVS ILLYRICIANI (Cohen, Decius, 64; RIC, Decius, 3–4; Gallien., 199; Claud. II, 48–49)) и Геня отдельных регионов и дислоцированных там военных подразделений (GENIVS ILLYRICVS (RIC, Aurelian., 223)). В этой связи также использовались другие легенды, в частности, с титулом CONSERVATOR⁸ (RIC, Valerian I, 37, 71, 93–94; Gallien., 171, 179; Postum., 308; Aurelian., 353, 383–384), и RESTVTVTOR (RIC, Postum., 223; Gallien., 27, 29, 32, 236; вар. — RESTITVTOR GENER HVMANI (RIC, Valer. I, 220). Также военными функциями наделялись боги-покровители, например Серапис, Геркулес, Митра, Гермес, Соль, Диана [16, с. 282, 434].

В императоре получало свое воплощение величие государства, его непобедимость, что и было воплощено в легенде Invictus (RIC, Aurelian., 308, 311, 357). Он был не хозяином государства, а его первым слугой; служение государству было его долгом. Находясь с армией, он должен был нести все тяготы военной службы наравне с рядовыми солдатами. Находясь в столице, он должен был выполнять свои обязанности у кормила государственного правления, трудиться денно и нощно, не жалея сил, заботясь о безопасности и благополучии государства.

Объединение в руках императора не только высшей политической и военной, но и религиозной власти требовало преклонения перед первыми лицами империи и принесения жертв богу-императору наравне с другими божествами официального пантеона Римского государства. Участие в таких жертвоприношениях и других формах императорского культа свидетельствовало о лояльности как граждан и царей, так и городов зависимых территорий к высшей римской власти. В связи с этим не только в Римской империи, но и на территории зависимых и союзных государств (как это, например, было в Боспоре) возводились алтари и храмы августов, создавались коллегии императорского культа, члены которых являлись опорой и проводником римской политики на местах. Вместе с тем религия была не только способом выражения лояльности к тому или иному императору и империи в целом, но и более или менее осознанной оппозицией существующему строю. Отказ от выполнения установленных обрядов рассматривался, согласно римскому законодательству, как оскорбление величия. Люди, уличенные в этом, жестоко наказывались, как это было, например, с ранними христианами, которые шли на муки и смерть, отказываясь приносить жертвы у алтарей официальных римских богов и императорского культа.

Огромная держава требовала единой идеологии, которой вплоть до III в. и должен был стать императорский культ. Причем этот культ видоизменялся в сторону создания теологического обоснования императорской власти. В связи с этим императорский культ представлял собой целую структуру, складывающуюся из нескольких составляющих. Первое, это особые мероприятия в честь правящего императора и его семьи, посвященные его дню рождения, победам, триумфу и т. п., в числе которых были жертвоприношения и клятвы верности. Второе — культ богини Ромы, символизирующую вместе с соответствующим эпитетом непобедимость и величие Рима. Третье — почитание capitoлийской триады, возведение

⁸ С этим титулом в монетных легендах могут выступать разные боги: Юпитер, Марс, Аполлон, а также сам август, или, как в случае с Валерианом, и его сын-соправитель Галлиен (RIC, Valerian. I, 83).

храмов, жертвоприношения. Следующая составляющая — это празднование государственных праздников, устройство торжественных игр, дары и посвящения римскому императору и его семье.

Армия играла большую роль в распространении и отправлении культа императора, даже обязанности главного жреца императорского культа зачастую исполняли ветераны (CIL III 13727, 6168, 6169, 6230), не говоря о том, что клятва верности, произносимая во время религиозных мероприятий, неразрывно связывала императора и его армию. Важные изменения в императорский культ внес Септимий Север. Император стал носить титул *dominus*, обязательное обращение и часть императорского титула *dominus noster*, а также *felix* и *invictus*. Император Аврелиан сделал следующий значительный шаг: он стал постоянно носить диадему, как символ своей власти, и сделал обязательным обращение к себе, введенное Септимием Севером, но мало того, он стал *Deus* — богом, в отличие от его предшественников, которые считались *divus* — божественными, и получил эпитет *Invictus*, как и введенный им культ.

И все же среди всех религиозных культов наиболее жизнеспособным и крепнущим являлось христианство, хотя его соперники культуры Исиды и Сераписа еще долго будут сосуществовать. В III в. христианская идеология теряет свою былую оппозиционность к правительству. Складывается общая церковная организация для всей империи, церковная иерархия все более приобретает монархические черты. Одной из возможных причин распространения христианства стало, по мнению Е.М. Штаерман, обострение отношений «центра» с провинциями [29, с. 104]. События 2-й пол. III в. приводят к тому, что христианство становится жизнеспособной и преуспевающей формой провинциальной оппозиции [там же]. Примечательно, что именно официальные власти в провинциях настаивали на гонениях христиан (Surgian. Ep., 65), видя в них угрозу. Препфекты, по словам Киприана, требовали наказания для всякого христианина и конфискации его имущества (Surgian. Ep., 65). Валериан продолжал подобную политику. Эдикт Валериана, который дошел до нас в переписке Киприана, направлен почти исключительно против глав христианских общин, а также против знатных и влиятельных лиц, исповедовавших христианство (Surgian. Ep., 66). А вот Галлиен превозносится Евсевием за дарование мира христианам (Euseb., VII. 11).

Общины христиан стали распространяться на территории Галлии и Британии с конца III в., однако эпиграфических данных недостаточно для выявления темпов распространения. На территории Испании в середине III в. засвидетельствовано наличие христиан в гг. Астурике, Цезаравгусте, Эмерите, а также в *Legio VII Gemina* [18, с. 275], часть которого была передислоцирована по приказу галльского императора Постума в Лугдун.

Очень медленно в II–III вв. шло распространение христианства в Африке. Предполагается, что пути проникновения могли быть как из Рима, Палестины, так и через иудеохристианские общины или через малоазийских переселенцев [30, с. 431]. Причиной столь медленного проникновения является то, что Римская Африка к третьему веку представляла собой одну из наиболее урбанизированных частей Римской империи и в то же время аграрный регион, ведь большинство городов являлись большими сельскими поселениями и их население было больше связано с сельским хозяйством,

нежели с ремеслом и торговлей [31, с. 41; 32, с. 207]. Следовательно, первые христианские общины, не сохранившие для нас никаких имен и событий, существовали в Северной Африке на протяжении нескольких поколений, не преследовались местными властями и не испытывали явной неприязни со стороны простого населения. В антихристианском эдикте императора Валериана (258 г.) говорится о христианах из сенаторского и всаднического сословий, христианах-прокураторах и христианах-цезарианах [31, с. 41], по примерным подсчетам в середине III века в Северной Африке насчитывалось 120 христианских общин [33, с. 490].

По археологическим данным и письменным источникам, на территории западных провинций, особенно Галлии и Испании, характерны были захоронения, как по языческому, так и по христианскому обрядам [20, р. 309]. Сосуществование язычества и христианства, видимо, проявлялось во многих регионах Римской империи. Так, первый епископ Испании Марциал, по свидетельству Киприана, являлся членом языческой коллегии, активно участвовал в ее деятельности и хоронил своих сыновей на ее кладбище (Surgian. Ep., 67). Этот факт вызывал возмущение карфагенского епископа, но христиан Астурии и других общин, видимо, не шокировало. Коллегии, посвященные различным богам и культам, особенно распространяются в этот период и особо притягивали различные слои населения — отпущенников, возниц, актеров и т. п. Поэтому для 2-й пол. III в. характерной чертой является тесное сосуществование различных религиозных культов и верований, в том числе христианства.

Христианство в каждую эпоху было тем, по характеристике П.Ф. Преображенского, чем эта эпоха являлась в своей сущности. Чистого христианства история не знает, а из-за значительного количества разнообразных толкований, учений и течений, христианство существовало во всем хронологическом и географическом множестве [4, с. 31]. И тем не менее, третий век — это время складывания церковной структуры, включая обязательное рукоположение должностных лиц, запрет бродячих проповедников. Христианство распространялось среди населения, даже армии, солдаты которой вынуждены были скрывать свою религиозную приверженность, и тем не менее, по большей части, это была городская религия, являющаяся запрещенной официальной властью. Гонения эпохи Деция и Валериана стали существенными ударами по христианству. Были казнены выдающиеся подвижники, апологеты, писатели, (в частности, Ориген, который был при императорском дворе благодаря Юлии Маммее)⁹, закладывавшие основы христианской историографии, перенеся дискуссионные вопросы на страницы книг, размышляя о важности самых основ вероучения: молитве, посте, целомудрии, но не замедлили распространение религии.

Как предполагает И.С. Свенцицкая, к христианству обращались женщины-переселенки, вольноотпущенницы, женщины, вступившие в смешанный брак. В этой религии они не чувствовали себя изгнанницами, отступницами, а обретали некую точку опоры и надежду на спасение [34, с. 159]. Зачастую именно женщины участвовали

⁹ Предположительно, Юлия Мамея была христианкой, на что указывает эпитет θεοσεβεστῆτις (греч. «богобоязненная»), данный ей Евсевием. Она лично встречалась с лидерами христиан, в частности с Оригеном в Антиохии. Христианский писатель упоминает также, что при дворе Александра Севера было множество христиан, и сам императорский дом состоял из верующих. Кроме того, есть достаточно объективные предположения о том, что Филипп Араб был христианином.

в формировании и передаче подрастающему поколению новой системы ценностей, а также проповедовали вместе с мужчинами. Складывание иерархии церковной организации привело к оттеснению женщин от активной проповеднической деятельности и религиозной службы. В других течениях христианства женщины, наоборот, играли ведущую роль. Об этом свидетельствует Тертуллиан, говоря, что женщины не только учат, крестят, обещают исцеление, но и пишут откровения (Tert. Praescr. Haer., XLI; De bapt. XVII). Известно, что в III веке существовало целое христианское движение, возглавляемое женщиной (Сург. Ер., XXV).

К началу правления императора Аврелиана религиозная жизнь Римской империи была полиэтнична, отмечена различными процессами видоизменений и синкретизма. Религиозная политика императора сопровождалась почитанием традиционных римских богов — Юпитера (IOVI CONSERVATORI — RIC, Aurelian., 48, 129), Ромы — ROMA AETERNA (RIC, Aurelian., 337), Минервы — MINERVA AVG (RIC, Aurelian., 334), — но особенно относящихся к *dii militares*: Марса, Виртуса, Виктории, Фортуны и Фидеса с легендами MARTI PACIFERO, MARS INVICTVS, VICTORIA AVG, VICTORIA AETERNA, VICTORIA GOTHICA, VIRTVS AVG, VIRTVS MILITVM, FORTVNA REDVX, FIDES MILITVM (RIC, Aurelian., 1, 14, 29, 31, 41, 56, 71–73, 344), а также Конкордии, Провиденции с легендами CONCORDIA EXERCITVM, CONCORDIA MILITVM, CONCORDIA LEGIONEM, CONCORDIA AVG, PROVIDENTIA DEORVM, PROVIDENTIA AVG (RIC, Aurelian., 59, 60, 69, 80, 128, 152, 154, 218, 244), и, конечно, установленным культом SOL INVICTVS (RIC, Aurelian., 308, 311, 390; также с легендой — ORIENS AVG — 248–249, 251, 254, 276, 278, 279, и SOLI CONSERVATORI — 353).

По сообщению Лактанция, Аврелиан, если и замыслил гонения, осуществить их не успел (Lact., VI), но при этом прислушивался к представителям христианства и даже помог им решить спор. Павел Орозий вообще не упоминает о каких-либо замыслах Аврелиана в отношении христиан и не сообщает о его отношении к христианству. Все это говорит лишь о том, что и римская власть, и Церковь сделали существенный шаг в сближении друг с другом. Обращение христиан к власти римского императора указывает на изменение их взглядов и политики представителей клира. Позиция Аврелиана в этом случае тоже весьма интересна: после гонений и даже относительного нейтралитета того же Галлиена, римский император выступает в роли верховного покровителя всех религий, причем не только с точки зрения его должности как Pontifex Maximus, но и подводя разрешение споров в гражданское судопроизводство.

Таким образом, в III в. римская религия с ее политеизмом в сочетании с синкретизмом и региональными религиозными культурами оставалась основой религиозной жизни различных слоев населения Римской империи. Однако все более ощутимо прослеживаются духовные и идеологические поиски в направлении устойчивой религиозной идентичности, которая могла бы стать фундаментом единоличной императорской власти и политики римских императоров. Для большей части населения провинций, которое проживало в сельской местности и было практически необразованным, их собственные боги, пусть даже уже эллинизированные и романизированные, в достаточной степени отвечали их нехитрым чаяниям о благополучии и урожае. Иное дело городское население и жители наиболее крупных городов,

подобных Риму, Афинам и др. Получившие образование, знающие философию, они действительно стремились к поиску ответов на свои более сложные запросы, которые они ставили перед собой в поисках обоснования человеческого бытия. Нужно учитывать, что каждый из западных или восточных регионов, входящих в состав Римской империи, имел собственные мировоззренческие представления о религиозных предпочтениях.

Духовные искания характерны для любого народа в сложные или переходные периоды, каким и являлся III в., но по большей части население провинций продолжало почитать римских и собственных старых богов. Однако устойчивость римской религии все же была лишь кажущейся, поэтому разные слои общества по тем или иным обоснованиям находились в поиске духовной опоры, именно этим можно объяснить такие тенденции, как возвращение к доримским культам и синкретизм. Достаточно последовательные мероприятия римских императоров были направлены на поддержку наиболее значимых культов, которые почитались влиятельными слоями общества, такие как армия, сенат, элита отдельных провинций, а для идеологической основы поддерживался императорский культ, но именно он, несмотря на характерные изменения, уже не вполне мог служить идеологической опорой. Для устойчивости своей идентичности Римскому государству требовалось что-то другое. Появляющиеся духовные лакуны все больше заполняло укрепившее свои позиции христианское вероучение. Христианские общины взяли на себя ряд важнейших функций, в частности, мировоззренческой, коммуникативной, христиане помогали и поддерживали вдов, сирот, беднейшую часть населения. По сути, они взяли на себя обязанности муниципиев, которые перестали функционировать в этот период, в том числе и в функции взаимодействия с властью. Это особенно отличает восточные провинции, так в Северной Африке христиане привлекали адептов именно путем хлебных и иных раздач [26, с. 414], т. е. используя тот же механизм, что и римская администрация. Усиление влияния христианства связано с формированием структуры христианской Церкви. Однако в этот период ни римские императоры, ни иерархи Церкви еще не готовы были сделать шаг навстречу друг другу, и в этом, как отмечают исследователи, порой заметно влияние жреческой верхушки других культов, опасавшихся усиления влияния христианства, ведь синкретизма в данном случае быть не могло. Усиление борьбы внутри самого христианского учения также являлось значительным фактором невозможности его возвышения в этот период.

Стоит признать, что традиционная римская религия перестала восприниматься как нечто разумеющееся, большое значение стала играть философия, как в духовной, так и политической жизни, поэтому неудивительно, что именно синкретические культы, в которых восточные элементы играли существенную роль, стали все больше распространяться. Император Аврелиан, имея явную тенденцию к возвышению единого культа, не решился еще больше настроить против себя традиционалистов римского общества. Однако отказ от давно устоявшихся культов, несомненно, отражает весьма глубокие изменения менталитета. В связи с этим установление культа Deus Sol Invictus является важной ступенью к единоличной власти императора и попытки создания прочного идеологического базиса для населения всей Империи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шенцов, М.Е. Культ Митры в Риме III в. и религиозная реформа императора Аврелиана: автореф. ... к.и.н. Белгород, 2013.
2. Зуевский, Р. Римский митраизм // SCRIPTORIUM: гісторыя старажытнага свету і сярэдніх вякоў. URL: <http://hist.bsu.by/images/stories/files/nauka/Scriptorium/3/Zuevsky.pdf> (дата обращения 05.03.17).
3. Амфитеатров, А.В. Старое в новом. СПб., 1907.
4. Преображенский, П.Ф. Тертуллиан и Рим. 3-е. изд. М., 2004.
5. Батузов, А.А., Соловьянов, Н.И. Боги и культы римской армии в Западной части империи: монография. Красноярск, 2017.
6. Watson, A. Aurelian and the Third Century. Routledge, 1999.
7. Ле Бок, Я. Римская армия эпохи Ранней Империи / пер. с фр. М., 2001.
8. Grandvallet, C. L'affrontement ideologique entre Gallien et Postume: l'exemple des bustes casques et des bustes à attributes Herculeens // Crises and the Roman Empire: Proceedings of the Seventh Workshop of the International Network Impact of Empire (Nijmegen, June ed. 20-24, 2006). Vol. 7 / ed. by O. Hekster, G. de Kleijn, D. Slootjes. Leiden; Boston, 2007. P. 337–354.
9. Соловьянов, Н.И. Римское религиозное сознание и его отражение в пантеоне армии в I–III вв.: моногр. Красноярск, 2007.
10. Колосовская, Ю.К. Образ римской женщины в Паннонии // Женщина в античном мире: сб. ст. / под ред. Л.П. Маринович, С.Ю. Сапрыкина. М., 1995. С. 142–155.
11. Данилов, Е.С. Легенда о Тутеле в контексте римской религиозной традиции // Шаги. 2020. Т. 6. № 2. С. 235–248.
12. Широкова, Н.С. Римская Британия. Очерки истории и культуры. СПб., 2016.
13. Birley, E. The Deities of Roman Britain // ANRW. 1986. Bd. II / 18. № 1. P. 3–112.
14. Hatt, J.-J. Essai sur l'évolution de la religion gauloise // REA. 1965. Bd. 67. P. 80–125.
15. Bauchhenss, G., Noelke, P. Die Jupitersäuden in den germanischen Provinzen. Cologne; Bonn, 1981.
16. Абрамзон, М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской Империи. М., 1995.
17. Куликова, Ю.В. Место культа Митры в религиозной реформе императора Аврелиана // Локус: люди, общества, культуры, смыслы. 2017. № 4. С. 52–66.
18. Циркин, Ю. Древняя Испания: моногр. М., 2000. [Tsikin Yu. Ancient Spain: monogr. M., 2000].
19. Mangas, J. Die Römische Religion in Hispanien Während der Prinzipatszeit // ANRW. 1986. Bd. II/18. №1. S. 276–344.
20. Buckley, B. The Aeduan area in the third century // RWThC. II. P. 287–316.
21. Колосовская, Ю.К. К истории падения римского господства в Дакии // ВДИ. 1955. № 3. С. 63–84.
22. Куликова, Ю.В. Культ SOL и религиозная реформа императора Аврелиана // Локус. 2020. Т. 11. № 3. С. 11–27.
23. Hoto, L.P. Essai sur le Règne de l'Empereur Aurélien (270–275). Paris, 1904.
24. Camia, F. Between Tradition and Innovation: Cults for Roman Emperors in the Province of Achaia // Kaiserkult in den Provinzen des Romischen Reiches. Organisation, Kommunikation und Repräsentation. Berlin; Boston, 2016. P. 255–283.
25. Голубцова, Е.С. Религиозное мировоззрение населения Малой Азии в I–III вв. н.э.: моногр. М., 1975.

26. *Штаерман, Е.М.* Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957.
27. *Dunand, F.* Culte royal et culte imperial en Egypte. Continuite et ruptures // Das römisch byzantinische Ägypten. Aegyptiaca Treverensia 2. Mainz, 1983. P. 47–56.
28. *Frankfurter, D.* Religion in Roman Egypt: Assimilation and Resistance. Princeton, 1994.
29. *Штаерман, Е.М.* Гонения на христиан в III в. // ВДИ. 1940. № 2. С. 96–105.
30. *Сергеева, Е.В.* Первые христианские общины в Северной Африке // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 6 / под ред. проф. Э.Д. Фролова. СПб., 2007.
31. *Федосик, В.А.* Киприан и античное христианство. Минск, 1991.
32. *Жюльен, Ш.А.* История Северной Африки. Тунис. Алжир. Марокко. Т. 1. М., 1961.
33. *Harnack A., von.* Kleine Schriften zur alten Kirche: Berliner Akademieschriften. Bd. 1. Leipzig, 1980.
34. *Свенцицкая, И.С.* Женщина в раннем христианстве // Женщина в античном мире: сб. ст. / под ред. Л.П. Маринович, С.Ю. Сапрыкина. М., 1995. С. 156–167.

REFERENCE

1. Shentsov, M.Ye. *Kult Mitry v Rime III v. i religioznaya reforma imperatora Avreliana* [The cult of Mithras in Rome of the III century. and the religious reform of Emperor Aurelian]: Extended Abstract of PhD dissertation in History. Belgorod, 2013. (in Russ.)
2. Zuyevskiy, R. *Rimskiy mitraizm* [Roman Mithraism]. In: *SCRIPTORIUM: gistoryya starazhytnaga svetu í syarednĭkh vyakoŭ* [History of Antiquity and the Middle Ages]. URL: <http://hist.bsu.by/images/stories/files/nauka/Scriptorium/3/Zuevsky.pdf> (accessed: 05.03.2017).
3. Amfiteatrov, A.V. *Staroye v novom* [The Old in the new]. St. Petersburg, 1907. (in Russ.)
4. Preobrazhenskiy, P.F. *Tertullian i Rim* [Tertullian and Rome]. Moscow, 2004. (in Russ.)
5. Batuzov, A.A., Solovyyanov, N.I. *Bogi i kulty rimskoy armii v Zapadnoy chasti imperii: monografiya* [Gods and cults of the Roman army in the Western part Empires: a monograph]. Krasnoyarsk, 2017. (in Russ.)
6. Watson, A. *Aurelian and the Third Century*. Routledge, 1999.
7. Le Boek, Ya. *Rimskaya armiya epokhi Ranney Imperii* [The Roman Army of the Early Empire]. Moscow, 2001.
8. Grandvallet, C. L'affrontement ideologique entre Gallien et Postume: l'exemple des bustes casques et des bustes à attributes Herculeens, In: *Crises and the Roman Empire: Proceedings of the Seventh Workshop of the International Network Impact of Empire* (Nijmegen, June ed. 20–24, 2006), vol. 7, ed. by O. Hekster, G. de Kleijn, D. Slootjes. Leiden; Boston, 2007, pp. 337–354.
9. Solovyyanov, N.I. *Rimskoye religioznoye soznaniye i yego otrazheniye v panteone armii v I–III vv.: monogr.* [Roman religious consciousness and its reflection in the pantheon of the army in the I–III centuries: monograph]. Krasnoyarsk, 2007. (in Russ.)
10. Kolosovskaya, Yu.K. *Obraz rimskoy zhenshchiny v Pannonii* [The image of a Roman woman in Pannonia], In: *Zhenshchina v antichnom mire* [Woman in the ancient world: collection of articles, ed. by L.P. Marinovich, S.Yu. Saprykina. Moscow, 1995, pp. 142–155. (in Russ.)
11. Danilov, Ye.S. *Legenda o Tutele v kontekste rimskoy religioznoy traditsii* [The legend of Barely Here in the context of the Roman religious tradition], *Shagi* = Steps, 2020, vol. 6. No. 2, pp. 235–248. (in Russ.)
12. Shirokova, N.S. *Rimskaya Britaniya. Ocherki istorii i kultury* [Roman Britain. Essays on history and culture]. St. Petersburg, 2016. (in Russ.)

13. Birley, E. The Deities of Roman Britain, *ANRW*, 1986, Bd. II / 18, No. 1, pp. 3–112.
14. Hatt, J.-J. Essai sur l'évolution de la religion gauloise, *REA*, 1965, Bd. 67, pp. 80–125.
15. Bauchhenss, G., Noelke, P. *Die Jupitersäuden in den germanischen Provinzen*. Cologne; Bonn, 1981.
16. Abramzon, M.G. *Monety kak sredstvo propagandy ofitsialnoy politiki Rimskoy Imperii* [Coins as a means of propaganda of the official policy of the Roman Empire]. Moscow, 1995. (in Russ.)
17. Kulikova, Yu.V. *Mesto kulta Mitry v religioznoy reforme imperatora Avreliana* [The place of the cult of Mithras in the religious reform of Emperor Aurelian], *Lokus = Locus*, 2017, No. 4, pp. 52–66. (in Russ.)
18. Tsirkin, Yu. *Drevnyaya Ispaniya: monogr.* [Ancient Spain: monogr.]. Moscow, 2000. (in Russ.)
19. Mangas, J. Die Römische Religion in Hispanien Während der Prinzipatszeit, *ANRW*, 1986, Bd. II/18, No. 1, S. 276–344.
20. Buckley, B. The Aeduan area in the third century, *RWThC*, II, pp. 287–316.
21. Kolosovskaya, Yu.K. K istorii padeniya rimskogo gospodstva v Dakii [On the history of the fall of Roman rule in Dacia], *Voprosy drevney istorii = Problems of Ancient History*, 1955, No. 3, pp. 63–84. (in Russ.)
22. Kulikova, Yu.V. Kult SOL i religioznaya reforma imperatora Avreliana [The cult of SOL and the religious reform of Emperor Aurelian], *Lokus = Locus*. 2020, vol. 11, No. 3, pp. 11–27. (in Russ.)
23. Homo, L.P. *Essai sur le Règne de l'Empereur Aurélien (270–275)*. Paris, 1904.
24. Camia, F. Between Tradition and Innovation: Cults for Roman Emperors in the Province of Achaia, In: *Kaiserkult in den Provinzen des Römischen Reiches. Organisation, Kommunikation und Repräsentation*. Berlin; Boston, 2016, pp. 255–283.
25. Golubtsova, E.S. Religioznoye mirovozzreniye naseleniya Maloy Azii v I–III vv. n.e.: monogr. [The religious worldview of the population of Asia Minor in the I–III centuries A.D.: monogr.]. Moscow, 1975. (in Russ.)
26. Shtayerman, E.M. *Krizis rabovladelcheskogo stroya v zapadnykh provintsiyakh Rimskoy imperii* [The crisis of the slave-owning system in the western provinces of the Roman Empire]. Moscow, 1957. (in Russ.)
27. Dunand, F. Culte royal et culte imperial en Egypte. Continuite et ruptures, In: *Das römisch byzantinische Ägypten. Aegyptiaca Treverensia 2*. Mainz, 1983, pp. 47–56.
28. Frankfurter, D. *Religion in Roman Egypt: Assimilation and Resistance*. Princeton, 1994.
29. Shteyrman, E.M. Goneniya o khristianstve v III veke [Persecution of Christians in the III century], *Voprosy drevney istorii = Problems of Ancient History*, 1940, No. 2, pp. 96–105.
30. Sergeyeva, Ye.V. Pervyye khristianskiye obshchiny v Severnoy Afrike [The first Christian communities in North Africa]. In: *Mnemon: Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira*, vol. 6. [Mnemon: Research and publications on the history of the ancient world. Issue 6], ed. by prof. E.D. Frolov. St. Petersburg, 2007. (in Russ.)
31. Fedosik, V.A. *Kiprian i antichnoye khristianstvo* [Cyprian and ancient Christianity]. Minsk, 1991. (in Russ.)
32. Zhyulyen, S.A. *Istoriya Severnoy Afriki. Tunis. Alzhir. Marokko* [History of North Africa. Tunisia. Algeria. Morocco], t. 1. Moscow, 1961. (in Russ.)
33. Harnack, A. *Kleine Schriften zur alten Kirche*. Bd. 1. Leipzig, 1980.
34. Svetsitskaya, I.S. Zhenshchina v rannem khristianstve [Woman in early Christianity]. In: *Zhenshchina v antichnom mire* [Woman in the ancient world], ed. by L.P. Marinovich, S.Yu. Saprykina. Moscow, 1995, pp. 156–167. (in Russ.)

СОКРАЩЕНИЯ

Аёр — L'Année épigraphique

AS — Acta Sanctorum. URL: <https://www.roger-pearse.com/weblog/2012/06/19/volumes-of-the-acta-sanctorum-online/> (дата обращения: 01.05.2024).

Bastien P. Le monnayage de bronze de Postum. Wetteren, 1967. (Num. Rom., III).

ANRW — Aufstieg Niedergang der Römischen Welt.

CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum. Vol. I–XVII / ed. Th. Mommsen et al. Berolini: Weidmann, 1869–1986.

Cyprian. — Cyprian. Ad Demetrianum / Ed. Pellegrino. Rome, 1955.

Chrys. — Chrysostomus Dio. Oration. N.Y., 1844. URL: <https://archive.org/details/dionischryosto00diogoog> (дата обращения: 01.08.2018).

Euseb. — Eusebius. Historia Ecclesiastica / ed. H.J. Lawler. Paris, 1964.

ILS — Inscriptiones Latinae Selectae: Vol. I–III / Dessau, Hermann. Berlin, 1892–1916.

Lact. — Lactantius. Liber ad Donatum confessorem de mortibus persecutorum. Режим доступа: <https://www.thelatinlibrary.com/lactantius/demort.shtml> (дата обращения 26.06.2023).

Pan. — Gallic Panegyrist // Panegyriques Latins / Ed. R. Galletier (Bude). Paris, 1949–1955.

RIC — The Roman Imperial Coinage: T.V, part. 1–2 / H.M.A. Mattingly, E.A. Sydenham, P. Webb. London, 1968.

SHA — Scriptores Historiae Augustae: Bd 1–2 / ed. E. Hohl. Lipsiae, 1965.

Tert. — Tertullianus Q. Septimius Florens. Apologeticus pro Christiani. De spectaculis. URL: <http://www.thelatinlibrary.com/tertullian/tertullian.spect.shtml> (дата обращения 01.08.2018).

Куликова Юлия Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории Древнего мира и Средних веков им. В.Ф. Семенова, Институт истории и политики, Московский педагогический государственный университет, yuv.kulikova@mpgu.su

Kulikova V. Yulia, PhD in History, Associate Professor, V.F. Semenov Department of Ancient History and Middle Ages, Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, yuv.kulikova@mpgu.su

265

Статья поступила в редакцию 31.05.2024. Принята к публикации 05.07.2024

The paper was submitted 31.05.2024. Accepted for publication 05.07.2024